

Ф. Павлов

За десять лет практики

**Отрывки воспоминаний,
впечатлений и наблюдений из
фабричной жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф. Павлов**
За десять лет практики: Отрывки воспоминаний, впечатлений и наблюдений
из фабричной жизни / Ф. Павлов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 182 с.

ISBN 978-5-517-96984-2

ISBN 978-5-517-96984-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ центральномъ районѣ.

1. Заработка.

Да, да! вотъ сейчасъ я видѣлъ что-то радостное, хорошее; я стоялъ въ какой-то огромной, свѣтлой залѣ, гдѣ было столько славныхъ молодыхъ лицъ. Я долженъ сейчасъ же опять туда вернуться, всѣхъ увидеть, всѣмъ сказать... непременно, непременно долженъ! но что-то мѣшаетъ! И что это такое? Точно шмель гудитъ и гудитъ надъ самымъ ухомъ. Гудитъ долго, протяжно, уныло. Чѣмъ дальше, тѣмъ назойливѣе и сильнѣе этотъ звукъ.—Мнѣ надо досмотрѣть что-то, но это что-то уходитъ, расплывается туманомъ, заслоняется чѣмъ-то другимъ, скучнымъ, неопредѣленнымъ и огромнымъ, что неумолчно и безжалостно терзаетъ мой слухъ одною и той же неумолкающей нотой...

Нѣсколько легкихъ ударовъ въ дверь съ обыкновеннымъ окрикомъ: „Баринъ, вставать пора“, пробуждаютъ меня окончательно, прежде чѣмъ прекращается ревъ фабричнаго гудка. Я поворачиваюсь, привычнымъ жестомъ беру спички, зажигаю свѣчу, быстро скидываю одѣяло и, ежась отъ холода, начинаю спѣшно одѣваться.

Черезъ 10 минутъ, торопясь на-ходу застегнуть потертое „фабричное“ пальто, я спускаюсь съ крыльца и попадаю сразу въ атмосферу холодной, сырой ноябрьской ночи. Тяжелый туманъ заволакиваетъ весь фабричный дворъ; я вижу

колеблющиеся огни нѣсколькихъ газовыхъ рожковъ (электрическое освѣщеніе мы надѣмся установить еще только въ будущемъ году), но тусклый свѣтъ газа помогаетъ мало. Я знаю дорогу, а потому, автоматически сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, легко нахожу калитку тощаго, обнаженнаго палисадника и почти натыкаюсь на цѣлую партію рабочихъ, которые спѣшной, дѣловой походкой не-то идутъ, не-то бѣгутъ внизъ по дорогѣ къ огромному фабричному корпусу. Гигантскіе размѣры этого зданія теперь нельзя точно опредѣлить глазомъ, а можно лишь угадать по какимъ-то смутнымъ чертаніямъ и по неясно пробивающемуся сквозь мглу тумана свѣту оконъ. Къ фабрикѣ съ трехъ сторонъ стекаются непрерывныя вереницы людей, и распахнутыя двери точно втягиваютъ въ себя эти живые потоки. По широкой каменной лѣстницѣ поднимаются мужскія и женскія фигуры въ верхніе этажи, а входящіе снаружи быстро снимаютъ верхнюю одежду; старики крестятся, молодежь зѣваетъ; всѣ спѣшатъ къ своимъ станкамъ. Лица озабоченныя, сумрачныя; говора не слышно. Сегодня понедѣльникъ — заработки, т. е. начало работъ послѣ праздничнаго перерыва, — тутъ не до смѣха.

Сторожъ Пахомъ, лѣтъ 20 стоящій у этихъ самыхъ дверей и преданный всей душой интересамъ фабрики и хозяевъ, внимательнымъ, пытливымъ старческимъ взглядомъ ошариваетъ каждаго входящаго и особенно пристально, какъ-бы съ выраженіемъ какого-то предубѣжденія, осматриваетъ хорошо ему извѣстныхъ любителей выпивки. Онъ боится, что послѣ праздника пронесутъ въ корпусъ водку, а проносъ водки воспрещается правилами и строго преслѣдуется директоромъ. Фабричные знаютъ зоркій глазъ Пахома, и попадаютъ рѣдко, хотя въ темныхъ закоулкахъ фабрики зачастую къ вечеру оказываются опорожненныя сороковушки: пустую бутылку вынести изъ корпуса обратно труднѣе, чѣмъ полную внести, такъ какъ при выходѣ рабочихъ обшариваютъ для огражденія фабрики отъ цокражъ.

Рабочіе прибываютъ непрерывно; въ теченіе 10—12-ти минутъ приблизительно двѣ тысячи челоуѣвъ уже распредѣлились около станковъ и аппаратовъ, которые занимаютъ огромное, въ шестьдесятъ слишкомъ сажень длины, пятиэтажное зданіе. Я поднимаюсь во второй этажъ, въ одно изъ

отдѣленій ткацкой, гдѣ въ продолженіе воскреснаго перерыва въ работѣ слесаря должны кое-что ремонтировать. Это огромная зала въ 19 сажень ширины, въ 23' длины; потолок которой поддерживается нѣсколькими рядами чугунныхъ колоннъ. Несмотря на порядочные размеры оконъ, посреди залы днемъ темна благодаря большой ширинѣ. Она тѣсно заставлена рядами стажковъ; а подъ потолкомъ подвѣшена цѣлая система желѣзныхъ валовъ съ шкивами, и съ каждою шкива къ каждому станку спускается безконечный ремень. Желѣзные валы и ремни опутываютъ все помѣщеніе какъ бы гигантской черной сѣткою. Деревянный полъ залы грязенъ и выбитъ. Побѣленные стѣны давно стали темными отъ пыли и копоти. Въ проходѣ между стѣной и станками я стакиваюсь со старшимъ слесаремъ. Онъ очевидно идетъ съ жѣста починки.

— Готово, Красновъ?

— Слава Богу, успѣли! Все въ исправности.

Онъ прижимается спиной къ стѣнѣ, чтобы дать мнѣ дорогу. Я поневолю встрѣчаюсь взглядомъ съ его глазами нѣ очень близкомъ разстояніи. Эти вдумчивые, свѣтло-голубые, но неясные, какъ-бы потускнѣвшіе глаза рѣзко выдѣляются и кажутся особенно большими на фонѣ землисто-сѣраго отъ копоти и металлической пыли лица. Меня, какъ всегда, поражаетъ выраженіе какой-то хронической усталости, неизмѣнно присутствующее поблекшему, хотя и нестарому облику этого добросовѣстнаго и толковаго, но некрѣпкаго здоровьема, работника.

— Давно ли здѣсь?

— Съ полночи. Николай вчера загулялъ, такъ я замѣсто его работалъ.

— Да вѣдь тебѣ сегодня весь день дежурить!

— Ничего, не впервой!

И, утомленно улыбувшись однимъ губами, онъ встряхиваетъ головой и проходитъ мимо.

Два молодыхъ слесаря съ переносною лѣстницей на плечахъ и съ инструментами въ рукахъ быстро проходятъ мимо меня.

— Павелъ Сидорычъ, проситъ одинъ изъ нихъ идущаго навстрѣчу табельщика, — я двѣ ночи работалъ, отмѣйте по-

жалуйста, чтобы разговору какого не вышло, какъ прошлый разъ.

— Иди, кому надо, за уткомъ!—кричитъ подмастерье.

— Посмотри, Петровичъ, что-то у меня батанъ не ходитъ,—проситъ его молодая, только-что поступившая, обучающаяся работѣ ткачиха,

На заработкахъ не слышно болтовни и смѣха; всѣ сумрачны и заняты дѣломъ. Послѣ краткаго воскреснаго отдыха, спороноеъ, однообразная, опостылѣвшая работа кажется еще скучнѣе, чѣмъ обыкновенно; но, хочешь-не-хочешь, приниматься за нее надо, надо осмотрѣть станокъ, заправить челнокъ и т. д. Почти всѣ уже на своихъ мѣстахъ, но пока мѣстъ чувствуется отсутствіе жизни: паровая еще не пошла.

Огромное цѣлое, колоссальный организмъ, именуемый фабричнымъ корпусомъ, имѣетъ свой жизненный центръ, свое сердце—паровую машину. Это сердце, составляющее, какъ и подобаеть, предметъ особой заботливости и хозяевъ, и директора, помѣщено въ особой просторной пристройкѣ. Въ противоположность всей остальной фабрикѣ здѣсь все блестятъ необычайной чистотой. Начиная отъ крупныхъ частей этого стальнаго сердца, отъ 4-хъ-саженнаго маховаго колеса, отъ главнаго вала толщиной чуть не въ человѣческое туловище, вплоть до маленькихъ вентиляхъ въ масленкахъ, все какъ жаръ горитъ. Полъ выложенъ замысловатымъ мозаичнымъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ цементныхъ плитокъ и ежедневно протирается мокрыми швабрами. Стѣны покрашены свѣтлой масляною краской; лѣстницы и лѣсенки снабжены затѣйливыми перильцами.

Теперь это стальное чудовище, мощь котораго измѣряется тысячами лошадиныхъ силъ, молчитъ и не шелочнется; спокойно повисли стальные канаты, связывающіе его маховикъ съ главными валами каждаго этажа зданія, и вся фабрика стоитъ недвижима. Но воль по воѣмъ мастерскимъ раздаются сигнальные звонки, предупреждающіе о томъ, что паровая сейчасъ будетъ пущена впередъ. Проходитъ одна—двѣ минуты; слышенъ второй звонокъ, и вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ первымъ поворотомъ маховаго колеса, главный валъ нашей ткацкой, приходитъ въ движеніе. Ткачи переводятъ приводные ремни съ холостыхъ шкивовъ на рабочіе, и, какъ—бы

по мановенію волшебнаго жезла, огромная зала, вмѣщающая болѣе 300 станковъ съ двумя сотнями рабочихъ, загудѣла и ожгла. Неумолчнѣе, рѣзкое хлопанье „погонялокъ“, перекидывающихся челноки съ уткомъ съ одной стороны основы на другую со скоростью 120—150 разъ и болѣе въ минуту, мягкой стукъ батановъ, лязгъ различныхъ металлическихъ частей,—все это сливается въ какой-то неопредѣленный, но очень сильный, непрерывный, трескъ. Разговоръ дѣлается невозможнымъ; ткачи понимаютъ другъ друга по губамъ, но я, плохо постигшій это искусство, долженъ нагибаться къ уху и кричать полнымъ голосомъ, когда мнѣ приходится кому-нибудь сказать слово. Самое ужасное свойство этого своеобразнаго шума ткацкихъ мастерскихъ—его непрерывность. Во всякой другой мастерской, гдѣ работаетъ пять—шесть—десятокъ стучащихъ и гремящихъ станковъ, бывають минуты, когда шумъ замолкаетъ, или, по крайней мѣрѣ, ослабѣваетъ и даетъ отдыхъ измученному уху; но ткацкіе станки помѣщаются въ одной залѣ въ такомъ количествѣ, что остановка десятка — другого изъ нихъ не уменьшаетъ замѣтно общей массы звуковъ. Ослабленіе слуха и даже значительная степень глухоты—не рѣдкость между ткачами. Этотъ шумъ кромѣ того несомнѣнно расшатываетъ нервы и долженъ вообще разрушительно дѣйствовать на здоровье; но младенческое положеніе нашей фабрично-санитарной статистики не выразило еще этого вліянія ткацкой работы въ формѣ ослабительныхъ цифръ.

Итакъ наша машина пошла на 18 часовъ. При восемнадцатип часовой работѣ двумя сдѣлными законъ дозволяетъ женщинамъ работать съ четырехъ часовъ утра и до десяти часовъ вечера, при другомъ же расписаніи работа женщинъ и 15-ти—17-ти-лѣтнихъ подростковъ разрѣшена лишь между пятью часами утра и девятью часами вечера. Да и малолѣтнимъ разрѣшается работать въ первомъ случаѣ по девяти часовъ въ сутки вмѣсто 8. И вотъ, стремясь возможно полнѣе утилизировать дешевый женскій и дѣтскій трудъ, хозяева фабрики ввели въ одночасъ изъ корпусовъ восемнадцатип-часовое расписаніе съ полной остановкой на ночь, т. е. отъ 10-ти часовъ вечера до 4-хъ часовъ утра. Для ткачей и ткачихъ это—недурное распределеніе времени, такъ какъ

въ день они имѣютъ всего 9 рабочихъ часовъ, но для нашего брата-техника оно трудно. Двойнаго количества ученыхъ мастеровъ, конечно, фабрика не имѣетъ. Прежде, при работѣ круглыя сутки (дѣло было до введенія закона 1897 г., слѣдовательно, до законодательнаго сокращенія рабочаго времени), мы дежурили на фабрикѣ 12 дневныхъ часовъ, а послѣ 7-ми часовъ вечера являлось туда новое лицо — „ночной директоръ“, а насъ тревожили только въ исключительныхъ случаяхъ; теперь же зачастую приходится являться ранѣе 6-ти часовъ утра и уходить въ 8 — 9 час. вечера. Вотъ и сегодня. По установившейся традиціи, на заработки выходить всѣ техники. Директоръ считаетъ, что только полная аккуратность, высшаго персонала можетъ принудить къ аккуратности и рабочихъ, что только этимъ способомъ можно до нѣкоторой степени уменьшить тѣ убытки, которые приносятъ фабрикѣ понедѣльные прогулы и опозданія. А убытки эти, по разсчету хозяевъ, не малы. Если стоимость построекъ и машинъ оцѣнить даже крайне низко — въ три милліона руб. — и принять, что въ году, бываетъ 280 рабочихъ дней, то проценты съ этого капитала съ необходимыми отчисленіями на амортизацію и съ расходами по содержанию постоянныхъ служащихъ составятъ свыше 1,400 р. въ день, или болѣе 60 р. въ часъ; но вѣдь кромѣ покрытія расходовъ, фабрика даетъ же хозяину доходъ; (и какой еще!) этого дохода онъ тоже лишается при каждомъ простѣѣ. Конечно, всѣ эти дѣйствительныя или мнимыя потери съ избыткомъ покрываются прибылями, которыя получаютъ съ фабрики въ рабочее время. Но известно, что „appetit разыгрывается за обѣдомъ“, *appetit vient en mangeant*. Получая большіе барыши, не хочется имѣть маленькихъ убытковъ. Отсюда эта погоня за каждымъ лишнимъ рабочимъ часомъ или даже за нѣсколькими минутами работы машины. Здѣсь кроется причина упорнаго нежеланія отказать отъ тяжелой и невысокой по качеству ночной работы... Англійскія машины выписываютъ, англичанамъ подражаютъ“, укорялъ я мысленно хозяевъ фабрики, „а не могутъ отъ англичанъ хорошаго обычая перенять: работать на фабрикѣ только днемъ, да и то по десяти часовъ въ сутки! Убытки свои считаютъ, говорятъ, что ночной простой товаръ

удорожает! А как же иностранцы, работая на своих фабриках по часам чуть ли не в полтора раза меньше нашего, ухитряются так дешево металл производить, что наш товар повсюду бы вытеснили, если бы мы от него огромными таможенными пошлинами не оградились бы?..“

Озлобленное настроеніе духа не выспавшагося человѣка как нельзя болѣе гармонировало съ подобными, горькими для русскаго техника вопросамъ, и въ далеко невеселомъ настроеніи, еле сдерживая судорожную зѣвоту и нервно подрагивая въ охолодѣвшей за праздникъ фабриктѣ, обходилъ я раннимъ ноябрьскимъ утромъ ткацкую мастерскую; конечно, я старался показать рабочимъ, что очень занятъ дѣломъ; но внутренно я въ это время проклиналъ судьбу, которая сдѣлала изъ меня техника, и избытала всякія непріятныя пожеланія директору и хозяевамъ, установавшимъ такое распisanіе работы...

Среди стука станковъ мой слухъ вдругъ улавливаетъ какіе-то обрывки человѣческихъ голосовъ, и я отгадываю въ нихъ слова: „директоръ, директоръ“. Это рабочіе оповѣщаютъ другъ друга о приходѣ грѣзы всей фабрики, „Юпитера безъ грома и молній“, какъ прозвала его компанія молодыхъ техниковъ. „Директоръ“, — это магическое слово сейчасъ же заставляетъ ткачей и ткачихъ внимательно въсматриваться въ работу, обдергиваться. Лица дѣлаются серьезнѣе; словозъ, всё подтягиваются, какъ солдаты на смотру при приближеніи генерала; я тоже невольно подтягиваюсь и поворачиваю навстрѣчу начальству. Его некрупная, но шпорокая фигура въ потертомъ пальто и сѣренькой заношеной фуражкѣ виднѣется въ концѣ прохода между станками.

— Здравствуйте, Ѳедоръ Павловичъ, — бросаетъ онъ мнѣ вскользь, какъ бы мелькомъ оглядывая мою фигуру. Мнѣ сразу дѣлается какъ-то неловко. Проницательность директора и его способность сразу улавливать настроеніе поразительна и весьма извѣстна. „На аршинѣ сквозѣ землю влдитъ, хоть и не глѣдитъ“ — говорятъ рабочіе.

— У васъ, кажется, нынче благополучно. Мало пошедельщиковъ?

— Да, кажется, человѣкъ 20, не больше, — отвѣчаю я, еле улавливая изъ за шума смыслъ его словъ.

— Да, да, видѣть! — угадываю я по его губамъ. ¹¹

Мы молча проходимъ бокъ-о-бокъ почти всю мастерскую.

— Что это вамъ какъ-будто не по себѣ?—спрашиваетъ директоръ, выходя на площадку лѣстницы, гдѣ лязгъ станковъ уже не заглушаетъ гудоса.

Да, не выспался немного.

— Вчера засидѣлись, небось, у Семена Ивановича?..

— Ужъ узналъ!—думаю я про себя.

— А въ третьемъ этажѣ у васъ нѣсколько станковъ гуляютъ: основы не готовы,—самымъ любезнымъ тономъ замѣчаетъ мнѣ на прощанье директоръ, переходя въ прядильную.

Въ переводѣ на общепонятный языкъ весь нашъ краткій діалогъ означаетъ, что мнѣ сдѣлано серьезное замѣчаніе. Я спѣшу разслѣдовать дѣло о неработающихъ станкахъ. Сонливость мою какъ рукой сняло, и незамѣтно проходитъ время до 5 ¹/₂ ч., когда раздается гудокъ, вызывающій рабочихъ въ другія отдѣленія фабрики, которыя начинаютъ работу съ 6-ти часовъ.

Въ 7 ¹/₂ часовъ въ чайной комнатѣ готовъ самоваръ для техникувъ и нѣкоторыхъ служащихъ. Я иду туда мрачный. Первое лицо, попадающееся мнѣ навстрѣчу, — нервный, vysokій, молодой технологъ, завѣдующій прядильной. Онъ очевидно тоже золъ. Я предполагаю, что и ему сдѣланъ выговоръ, но считаю неудобнымъ спрашивать.

Черезъ 2—3 минуты онъ не выдерживаетъ самъ и, отрывочно бросая фразы, не-то говорить, не-то ворчить: „Мала выпрядка! Ему легко замѣчанія дѣлать! Половину машинъ въ отставку пора, да и хлопокъ то какой. Хозяева погнались за дешевизной, а намъ замѣчанія“

Въ эту минуту влетаетъ маленький, молный, всегда радостный инженерикъ, завѣдующій ремонтной мастерской. Взглянувъ на меня и на собесѣдника, онъ живо соображаетъ положеніе вещей.

— Что? обоимъ попало? Бросьте хандрить. Дѣло житейское! Надо же начальству дать себя почувствовать. Вотъ послушайте, какую дядьеску для нашего спектакля нашель!

— Оставьте меня въ покоѣ!

— Нѣтъ, право, прелестъ. И вамъ роль есть. Только не знаю, какъ наша „героиня“ справится.

Чайная комната наподняется посѣтителями, но кромѣ вѣчно

радостнаго любителя драматическаго искусства всё не въ своей тарелкѣ, всё готовы браниться. Заработка у всѣхъ вызываетъ одинаковое настроеніе:

Въ началѣ девятаго мы снова расходимся по мастерскимъ. Скопленіе рабочаго люда, слабая вентиляція и масса превращающейся въ теплоту совершаемой въ мастерской механической работы, какъ треніе частей машины одна о другую, уже нагрѣли все рабочее помѣщеніе, и атмосфера фабрики приобрѣла обычный характеръ какой-то тяжелой теплоты. Въ ткацкой чувствуется теперь иное настроеніе: люди ждуть смѣны и стали веселѣе. Подростки ежеминутно подъ разными предлогами высказываютъ на дѣстницу, чтобы черезъ стекло въ двери взглянуть на часы въ машинной. Мнѣ вспоминается гимназія и ожиданіе звонка во время скучныхъ уроковъ. Но вотъ и гудокъ. Половина девятаго. Появляются отдѣльные рабочіе изъ второй смѣны. Количество ихъ растетъ, они становятся къ станкамъ на мѣсто уходящихъ. Я завидую имъ. До обѣда, когда я могу безъ нарушенія нашихъ правилъ уйти изъ фабрики, остается еще больше 4 часовъ. Изъ всѣхъ непріятныхъ сторонъ фабрично-заводской жизни ни одна не угнетаетъ меня такъ, какъ эта проклятая необходимость располагать всю свою жизнь по гудку: по гудку встаешь, по гудку чай пьешь, обѣдаешь, ужинаешь, да почти по гудку и спать ложншься. Цѣлую недѣлю живешь какъ автоматъ, какъ часть машины. Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ въ этомъ огромномъ собирательномъ цѣломъ, которое носитъ названіе „фабрики“ и приводится въ движеніе гигантскимъ стальнымъ сердцемъ, — паровой машиной, — приходится играть роль какой-то части механизма; отъ нея обыкновенно не требуютъ, юногда даже не ждуть проявленія собственной мысли, а обращаютъ больше всего вниманія на исполнтельность. „Исполнительный механизмъ“, выражаясь языкомъ механики, — вотъ и все.

Но наконецъ раздается обѣденный гудокъ. Я съ облегченнымъ сердцемъ и съ улучшеннымъ настроеніемъ духа спускаюсь съ дѣстницы, а навстрѣчу мнѣ уже спѣшатъ рабочіе, четыре съ половиною часа назадъ оставившіе работу. Но теперь ѣ у нихъ выраженіе лицъ уже не то, что было, ночью. Слава Богу, заработка прошла, самая тяжелая упряжка всей недѣльной работы окончилась.

II. Директоръ.

Праздникъ. Сидя утромъ за самоваромъ, я ощущаю особое довольство, отъ сознаниа, что мнѣ невуда спѣшить; что я свободенъ, что слухъ мой отдохнетъ отъ стука тѣлѣнныхъ станковъ и отъ всякаго фабричнаго шума, а мысли могутъ быть сосредочены на чемъ-нибудь другомъ кромѣ „основъ“, „угловъ“, „недоработки“ и т. п. Я предвкушаю удовольствіе провести по крайней мѣрѣ полдня, до обѣда, спокойно и по своему желанію. Свѣжая книжка журнала зачтена съ вечера изъ фабричнаго клуба. Я съ удовольствіемъ поглядываю на единственное въ моей квартирѣ старинное полинялое вресло, которому потертая обивка, бывшая когда-то светло-зеленой, теперь коричнево-красная, и наполовину оборванный аграмантъ не мѣшаютъ быть необыкновенно удобнымъ; сейчасъ я усажусь въ немъ съ книжкой *Вѣстника Европы* въ рукахъ и съ наслажденіемъ примусь за просмотръ двухъ—трехъ статей, которыя еще недѣлю назадъ намѣчены мною по газетнымъ рецензіямъ.

Окончивъ чаепитіе и подойдя къ окну, чтобы взять коробку съ табакомъ, я не могу не заглядѣться на развѣтывающуюся передъ моими глазами видъ. За маленькимъ палисадникомъ, разбитымъ подъ моими окнами, разстилается широкій фабричный дворъ, обсаженный шологимъ склономъ въ рѣкѣ. Въ настоящую минуту воъ его грѣхи—рытвины, яры—скрыты подъ бѣлымъ блестящимъ ковромъ первала снѣга. Даже груды кирпичнаго мусора, старыя бревѣна, желѣзнаго лома и всякой дряни, почему-то оставленныя съ веснаго ремонта у бокового фасада главнаго корпуса, и тѣ, покрытыя искрѣпшимся въ утреннихъ лучахъ подымаго зимняго солнца снѣгомъ, имѣютъ какой-то нарядный видъ. Рѣка еще не застыла и кажется особенно темной въ свѣжыхъ берегахъ. За рѣкой—обыкновенный, но всегда милый русскому сердцу, зимній пейзажъ средней Россіи: бѣлая сватерть луговъ, склоны холма съ провѣтывающей кое-гдѣ черевъ снѣгу зеленою озими, вдали село, синѣющая лента дѣла на горизонтѣ. Снѣга эта картина рѣзко обрывается огромными, пятиэтаж-